

Гарри, сдерживая презрение, которое Драко Малфой так и норовил выплеснуть, низко поклонился наследнику. — Я желаю извиниться за свое поведение в последние годы, — произнес он, голос его звучал холодно и отрешенно. — Я не стремился оскорбить вас на первом курсе. Я был всего лишь мальчишкой, не знающим, где добро, а где зло. Как лорд семьи Грим и ваш кузен по крови, я прошу у вас прощения, наследник Малфой. — Кузен? — недоверчиво переспросил Малфой, брови его сошлись в недоумении. Гарри не поднимал глаз, словно опасаясь, что взгляд его выдаст истинное отношение к этому разговору. — Моей бабушкой была Дорейя Блэк, — тихо ответил он. Он знал, что в этой просьбе о прощении кровное родство играло не последнюю роль. Малфой не мог бы легко простить Гарри, если бы они не были связаны узами крови. А будучи кровными родственниками, Гарри мог получить прощение, не теряя лица наследника Малфоя. Семья должна держаться вместе, в конце концов. Конечно, у Гарри были и другие способы заставить Малфоя не вставать у него на пути, но зачем форсировать события, если можно попытаться исправить все мирным путем? В конце концов, молодой наследник Малфой потерял бы лицо, если бы отверг формальные извинения члена семьи. Если бы Гарри убил кого-то из семьи Малфоя, то Малфой мог бы сказать «нет», но того проступка, который совершил Гарри, было недостаточно даже для кровной вражды между их семьями... по крайней мере, до тех пор, пока Гарри не войдет в состав Визенгамота в качестве члена... Малфой колебался всего мгновение. — Я прощу вас, Лорд Грим, — наконец ответил он, потупившись. — Но вы все еще должны мне свою верность. — Помощь, наследник Малфой, — поправил Гарри, в голосе его прозвучала ледяная уверенность. — Я — Лорд. Я не могу следовать за вами. И снова Малфой молчал, словно погруженный в свои мысли. Затем он кивнул. — Помогу, — сказал он. — Вы не пойдете против меня или моего дома — даже если мы окажемся по разные стороны. — Пусть будет так, — ответил Гарри и снова выпрямился. Малфой уставился на него, словно пытаясь разгадать тайны, скрытые за непроницаемым выражением лица Гарри. — Вы мне все еще не нравитесь, Лорд Грим, — сказал он, а затем повернулся и закрыл за собой дверь. Гарри вместо этого усмехнулся. — Вы не обязаны, — ответил он на закрытую дверь. — Гарри, что...? Почему? — спросила Джинни, глаза ее были огромными от удивления. — Потому что я должен был, — просто ответил Гарри, его голос был тихим и спокойным, но в нем звучала непоколебимая решимость. — Альбус Дамблдор, может быть, и не считает обиды чем-то серьезным, но я не позволю, чтобы простая детская обида стала кровной враждой между нашими семьями. Пока я еще не член Визенгамота, я могу все исправить. Я не смог бы, если бы был членом. Невилл кивнул, словно соглашаясь с Гарри. — Я понимаю. Бабушка часто говорила мне не обижать никого, потому что это не принесет мне ничего хорошего, если у меня будет враг в Визенгамоте. — И уж точно ничего хорошего не будет, если этот враг будет членом семьи, — подтвердил Гарри, его слова звучали как бесспорная истина. — Определенно, — ответил Невилл. Остальные просто вытаращились на него, словно не понимая, что происходит. — Но... но... это был Малфой! — наконец заикнулся Рон. — Малфой, Гарри! Гарри фыркнул. — Я знаю, Рон, — ответил он. — Но я не могу ходить и оскорблять его только потому, что он мне не нравится. Я — Лорд, Рон. Лорд — ты понимаешь, что это значит?! Рон просто вытаращился, словно не веря своим ушам. — Гарри, — это была Гермиона, в ее голосе звучало недоумение и беспокойство. — Я не понимаю. Что ты имеешь в виду: «Я — Лорд»? Ты не можешь быть Лордом... то есть... как...? На этот раз Гарри вздохнул, а затем нахмурился. — Все просто, Гермиона. Мой отец был Лордом, и поскольку он умер, а мне пятнадцать, я теперь Лорд. — Твой отец... но откуда ты это знаешь?! Я имею в виду — я думала, что ты ничего не знаешь о своей семье! — Я не знал, — искренне ответил Гарри. — Но я узнал этим летом — и я определенно больше не буду вести себя как позор моей фамилии. — Но... как ты узнал?! Ведь тебе не разрешали уезжать... — Нам нужно переодеться, — сказал Гарри, остановив ее на середине предложения. — Мы будем в Хогвартсе через десять минут. — Ты не можешь просто закончить... — начала Гермиона, на этот раз с решительным видом. Гарри вздохнул. — Я знаю, Гермиона. Просто я не могу... — он остановился, потом покачал головой. — Снаффлз сказал мне. — сказал он наконец. — О, — покраснела Гермиона. — Я должна была

догадаться сама... Гарри просто вышел из купе, чтобы девочки могли переодеться. Он чувствовал себя немного виноватым за ложь — но это был не первый раз, когда он кому-то лгал, и точно не последний. Он только надеялся, что Гермиона не спросит Сириуса, почему он не рассказал Гарри о своем месте в мире до этого лета... Когда они наконец добрались до Хогсмита, Гарри замолчал. Его друзья говорили о каникулах, о новом учебном годе и гадали, какой профессор Защиты будет у них в этом году. Гарри же вместо этого стал всматриваться в темноту, словно пытаясь разглядеть нечто невидимое для остальных. Мысленно он чувствовал, как тяжелое ощущение магии гудит в нем, словно невидимый колокол, отбивающий свой мрачный ритм. Он закрыл глаза, прислушиваясь к гулу магии, наполнявшему воздух. Ему стало плохо от одного только прослушивания! Чем больше он прислушивался, тем сильнее его тошнило от того, что он слышал. — Гарри? Ты в порядке? Гарри вздрогнул и посмотрел на Гермиону, которая наблюдала за ним с обеспокоенным выражением лица. — Э... да. Я в порядке, Гермиона, — ответил он, стараясь звучать увереннее, чем чувствовал себя на самом деле. — Ты уверен? — спросил Рон. — Ты выглядишь немного взвинченным. — Просто нервничаю, — ответил Гарри. — Знаешь... Я не уверен, стоит ли мне с нетерпением ждать этого года... — Почему? — удивленно спросила Гермиона. Гарри только фыркнул. — Четыре слова, Гермиона: Квиррел, Василиск, Дементоры и Турнир. — О... да... ну... может быть, в этом году ничего не будет...? — сказал Рон, теперь с пониманием в голосе. В этот момент они налетели на палаты Хогвартса, и Гарри пришлось прикусить щеку, чтобы не закричать от боли, которую он почувствовал, как только палаты опустились на его плечи. Словно камень, палаты обрушились на его плечи, едва не сломав его своей тяжестью. Его затошнило, а голова начала болеть так, словно кто-то ударил по ней боевым молотом. Кровь наполнила рот Гарри, когда он отказался кричать от боли. Он повернул голову и посмотрел наружу, чтобы никто в карете не видел агонию, отобразившуюся на его лице, и слезы, грозившие вот-вот упасть. — Я не думаю, что этот год будет спокойным, Рон, — ответил Гарри, гордясь собой, что его голос почти не дрожал, в то время как он все еще чувствовал себя так, словно его голова взорвалась от боли. — Теперь я точно знаю, что мне нужно сделать в первую очередь, — подумал он про себя. — Я сойду с ума, если мне придется испытывать это напряжение весь год, пока я здесь! В этот момент успокаивающее ощущение мягко приласкало его разум, и напряжение ослабло. Снова навернулись слезы, но он сдержал их. Он не мог плакать — другие должны были знать! — Ну, по крайней мере, ты можешь надеяться на спокойный год, — сказал в этот момент Рон. Гарри отмахнулся, по-прежнему не глядя на друзей. — Подумаю об этом, когда убежусь, что профессор Защиты не желает моей смерти, — бросил он. — Туше, — фыркнул Рон. — Ну тогда давай перестанем надеяться до окончания пира. — Именно. С этими словами Гарри повернулся и закрыл глаза. Успокаивающее тепло, ласкавшее его разум, постепенно оттесняло тревогу. Это чувство, подобное нежному объятию, напомнило ему, почему он так любил Хогвартс. Почему он считал его своим домом. Почему, несмотря на опасность, он пришел сюда, в логово львов, чтобы сразиться с прайдом, который охотился на него. Возможно, это был глупый шаг, но Гарри не пожалел бы о нем ни на секунду. Даже если бы ему пришлось уничтожить школу, он бы все равно пришел сюда, чтобы отомстить. И никогда не пожалел бы... В этот момент его голову наполнил знакомый шепот, исходящий от того же успокаивающего чувства: — Добро пожаловать домой, — прошептал он. — Добро пожаловать домой, дитя. Добро пожаловать домой, дитя моего ребенка. — Гарри? Ты действительно в порядке? — спросила Гермиона, встревоженная внезапной перемены в его поведении. Рон тоже смотрел на него с любопытством. — О, да, Гермиона, да, — ответил Гарри, погружаясь в теплые объятия, которые избавили его от боли. — Почему бы мне не быть в порядке? — Не знаю, — ответила Гермиона, — ты вдруг выглядел как будто... очень далеко, понимаешь? Гарри лишь улыбнулся в ответ.